

Разказы современниковъ о Петръ Великомъ записанные Я. Штелинымъ.

Запрещеніе колѣнопреклоненія на улицахъ.

Въ первые годы по основаніи Петербурга въ городѣ было еще очень мало мощеныхъ улицъ и въ дождливую погоду во многихъ направленіяхъ образовались вязкія болотистыя мѣста. По древнему обычаю, народъ, при встрѣчахъ съ Государемъ, долженъ былъ становиться на колѣни. Императоръ не любилъ этого обыкновения и всегда дѣлалъ знакъ рукою, чтобъ удержать людей отъ колѣнопреклоненія, неоднократно упоминая, что этотъ обычай ему крайне непріятенъ; но такъ какъ простыя слова въ данномъ случаѣ не дѣйствовали, монархъ запретилъ подъ угрозой наказанія кнудомъ колѣнопреклоненіе на улицахъ.

Этотъ разказъ сообщенъ лейбъ-хиругомъ Петра Великаго Яномъ Гофъ.

Потчеваніе Голландскихъ моряковъ аладьями.

Смѣлость и непринужденное обращеніе иноземцевъ-моряковъ съ Монархомъ внушало къ нимъ должное уваженіе и страхъ со стороны царскихъ служителей, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло и побуждало сихъ послѣднихъ къ быстрому исполненію ихъ различныхъ требованій. При малѣйшемъ отказѣ карабельщика угрожали жалобой Его Величеству. Всѣмъ, уже по опыту, было извѣстно, что они имѣли совершенно свободный доступъ къ Государю, который неминуемо требовалъ къ себѣ и привлекалъ къ отвѣтственности виноватыхъ. Словомъ, мореплаватели, въ особенности Голландскіе, которыхъ въ то время было уже изрядное количество въ Россіи, пользовались необычно-

См. выше стр. 459.

венно свободнымъ обращеніемъ съ Государемъ, подчасъ переступая границы въ своемъ черезчуръ простомъ обхожденіи съ монархомъ. Петръ Великій, хорошо знавшій обычаи моряковъ и, по многимъ причинамъ, особенно дорожившій ими, не только не выказывалъ при этомъ ни малѣйшаго неудовольствія, но еще хвалилъ ихъ и веселился отъ души надъ ихъ шутками. Встрѣтивъ однажды на прогулкѣ въ дворцовомъ лѣтнемъ саду моряка, не разъ бывавшаго равьше въ Архангельскѣ, когда сей послѣдній былъ складочнымъ мѣстомъ Русской торговли, царь спросилъ его, не нравится ли ему теперь Петербургъ болѣе Архангельска и не пріѣзжаетъ ли онъ много охотяѣ сюда, нежели нѣкогда въ Архангельскъ? „Нѣтъ“, отвѣчалъ долго не думая матросъ. Нѣсколько раздосадованный и удивленный такимъ отвѣтомъ, Государь освѣдомился о причинѣ не любви къ новому городу: „ваше величество, возразилъ спохватившисъ смѣлый морякъ, въ Архангельскѣ мы всегда по пріѣздѣ нашемъ получали хорошія алады, здѣсь не даютъ ихъ намъ“.— „Постой, братъ, отвѣтилъ развеселившійся императоръ, приходи завтра со всѣми твоими земляками и прочими моряками ко мнѣ во дворецъ, и я покажу вамъ, что здѣшнія олады не хуже Архангельскихъ“. Возвратившисъ домой, Петръ позвалъ оберъ кухенмейстера Фелстена и приказалъ приготовить къ слѣдующему вечеру хорошихъ Голландскихъ аладій и всего, чтѣ къ нимъ полагается. На другой день всѣ Голландскіе моряки были приглашены на вечеръ въ лѣтній дворецъ, гдѣ, въ присутствіи его величества, ихъ угощали въ саду сладкими и другими хорошими яствами.

Этотъ анекдотъ извѣстенъ изъ устъ Брунса и Ивана Фельтена. Послѣдній родомъ изъ Нижней Саксоніи; онъ пріѣхалъ въ Россію съ королевскимъ Датскимъ посланникомъ въ качествѣ пекаря. Царь, которому очень нравилось его поваренное искусство, назначилъ его въ 1704 году придворнымъ мундкохомъ и метердотелемъ. Состоя при этой должности, онъ не только имѣлъ случай часто видѣть Государя, но сей послѣдній часто посѣщалъ его домъ, гдѣ онъ любилъ иногда для перемѣны кушать и куда неоднократно приводилъ съ собою гостей. Послѣдніе, равно какъ и самъ монархъ, платилъ хозяину по червонцу за кушанье. Фелтенъ умеръ въ Петербургѣ въ 1737 году.

Строгое отношеніе къ нерадивости полиціи.

Графъ Девье, преслѣдуемый въ царствованіе императрицы Екатерины I своимъ зятемъ княземъ Меншиковымъ, сосланный въ Сибирь и возвращенный по истеченіи 15-ти лѣтъ императрицею Елисаветою

Петровной, былъ питомцемъ Петра I, при которомъ состоялъ, сначала пажемъ, а затѣмъ, многіе годы, денщикомъ. Впослѣдствіи онъ былъ произведенъ въ полковники, генераль-майоры, генераль-лейтенанты и, наконецъ, до самаго своего несчастія, занималъ должность генераль-полиціймейстера. Онъ съ особымъ усердіемъ исполнялъ свои обязанности, зная, какъ строго Государь слѣдилъ за полиціей вообще и, что отъ его пронизательности не могло укрыться на малѣйшее упущеніе въ смыслѣ порядка въ его любимомъ городѣ. Однажды Государь, по своему обыкновенію, ѣхалъ въ одноколкѣ на Адмиралтейскую сторону берегомъ Мойки. Полиціямейстеръ сидѣлъ рядомъ съ нимъ. Достигнувъ моста, перекинутаго черезъ каналъ отъ Головинскаго дворца къ Мойкѣ, находящагося противъ, такъ называемой, Новой Голландіи (островъ со многими постройками, предназначенными для сохраненія дубоваго кораблестроительнаго лѣса), они замѣтили, что доски моста разошлись, что по нимъ не безопасно проѣзжать. Царю пришлось выйти изъ одноколки и заставить своего денщика нѣсколько сдвинуть и скрѣпить доски, чтобъ имѣть возможность переправиться на другую сторону. Разгнѣвавшись на безпечное отношеніе полиціи къ улицамъ и мостамъ, Петръ выбранилъ полиціямейстера за его нерадивость, и, слегка ударивъ его, сказалъ: „это придаетъ тебѣ охоты лучше наблюдать за ввѣренными тебѣ городомъ и отъ времени до времени лично наблюдать за порядкомъ. Мостъ былъ тѣмъ временемъ исправленъ, успокоившійся Монархъ сѣлъ въ одноколку и, милостиво обратившись къ полиціямейстеру, сказалъ ему, какъ ни въ чемъ не бывало: „Ну, садись братъ“.

Этотъ анекдотъ сообщенъ сыномъ упомянутаго генераль-полиціямейстера камергеромъ графомъ Реваромъ.

Отношеніе къ охотѣ.

Въ противоположность другимъ дворамъ, Петръ Великій не содержалъ егерскаго корпуса; имѣя только нѣсколькихъ придворныхъ охотниковъ, на обязанности которыхъ лежало доставленіе дичи къ царскому столу. При Адмиралтействѣ состояло два лѣсничихъ, которые должны были слѣдить за строевымъ лѣсомъ сосѣдней роци и наблюдать за проростомъ дубовъ. Онъ терпѣть не могъ какихъ бы то ни было травлей и терзаній животныхъ. Однажды, когда онъ былъ въ подмосковномъ селѣ, одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, большой любитель охоты, пригласилъ Государя на устроенную для его развлечения охоту на медвѣдей. Монархъ дружески отклонилъ приглашеніе, сказавъ: „Гоняй-

тесъ, сколько хотите, за дикими звѣрями, мнѣ же это не можетъ доставить удовольствія, пока мнѣ приходится за предѣлами государства изгонять дерзкихъ враговъ и внутри страны укрощать строптивныхъ и упрямыхъ подданныхъ“.

Разсказъ этотъ сообщенъ гофмаршаломъ Дмитріемъ Андреевичемъ Шепелевымъ.

Любовь государя къ хорошей живописи.

Въ Амстердамѣ часто посѣщалъ знаменитыхъ художниковъ того времени и цѣлыми часами наблюдалъ за ихъ работой, бесѣдуя съ ними о различныхъ произведеніяхъ живописи, благодаря чему у него выработался тонкій вкусъ въ распознаваніи картинъ. Съ особеннымъ интересомъ онъ относился къ произведеніямъ Фламандской и Брабантской школы и закупилъ большое количество картинъ ихъ знаменитыхъ мастеровъ. Рубенсъ, Ванъ-Дикъ, Рембрантъ, Янъ Штейнъ, Ванъ-Деръ-Верфъ, Вукерманъ, были его любимцами. Морскія и корабельныя изображенія онъ предпочиталъ всѣмъ другимъ. Съ особеннымъ уваженіемъ онъ относился къ знаменитому Адаму Сило, который былъ самъ раньше капитаномъ карабля, и потомъ съ большимъ успѣхомъ занялся исполненіемъ корабельныхъ и морскихъ рисунковъ, превзойдя всѣхъ предшествующихъ живописцевъ точностью и правильностью изображенія снастей. Петръ Великій считалъ его картины поучительными при устройствѣ парусовъ и якорныхъ спусковъ и украсилъ прихожую своего лѣтняго дворца произведеніями этого мастера. Въ Петергофѣ, во дворцѣ своей супруги, Петръ I устроилъ первую картинную галерею, и наполнилъ ее исключительно картинами Нидерландскихъ художниковъ, среди которыхъ первое мѣсто было отведено морскимъ и корабельнымъ рисункамъ. Однажды въ Амстердамѣ Государь сидѣлъ въ публичной картинной аукціонной палатѣ между многими покупателями и любителями живописи рядомъ съ извѣстнымъ скупщикомъ картинъ Кселемъ, Швейцарскимъ художникомъ мертвой природы и исторіи, большимъ знатокомъ живописи вообще и мастеровъ Нидерландской школы въ частности. Монархъ закупилъ тамъ большое количество произведеній своихъ любимыхъ живописцевъ, которыми отчасти украсилъ Петергофскую галерею и отчасти развѣсилъ ихъ въ своихъ дворцахъ. Для поддержанія въ порядкѣ и пополненія этой коллекціи картинъ Государь пригласилъ къ себѣ на службу вышеупомянутаго Кселя, который послѣдовалъ за царемъ въ Петербургъ, гдѣ исполнилъ нѣсколько прекрасныхъ рисунковъ такъ называемой „тихой жизни и

суеты⁴, такъ напр., онъ изобразилъ мертвую голову съ погасшею, но еще дымящею свѣчей, спокойно лежащіе музыкальные инструменты и т. п. Онъ умеръ въ званіи живописца Академіи Наукъ въ глубокой старости въ 1743 ?.

Анекдотъ этотъ сообщенъ живописцемъ Кседемъ.

Привлеченіе иностранцевъ въ Россію.

Было бы несправедливо утверждать, что Петръ Великій имѣлъ слѣпое пристрастіе къ иностранцамъ, ихъ нравамъ и обычаямъ: многія обстоятельства, наоборотъ, указываютъ на то, что императоръ прекрасно относился къ иноземцамъ и дорожилъ ими исключительно ради желанія добра своему отечеству. Онъ слѣдовалъ благому начинанію своего предка, царя Іоанна Васильевича, и съ этой цѣлью въ 1699 г. издалъ два указа. Первымъ давалось дворянамъ разрѣшеніе предпринимать путешествія въ чужіе края при соблюденіи условія, чтобъ каждый, отправляющійся за границу, предварительно явился къ Монарху для полученія необходимыхъ наставленій и указаній, чему онъ, соотвѣтственно своему состоянію и способностямъ, долженъ тамъ научиться. Другимъ указомъ повелѣвалось посланникамъ, резидентамъ и агентамъ, находившимся въ чужихъ государствахъ, повсемѣстно объявить, что всѣмъ иностранцамъ, желающимъ поступить на службу или попытать счастье въ Россіи, будетъ оказанъ радушный пріемъ и предоставлена не только полная свобода и защита, но въ случаѣ надобности и помощь, необходимая для развитія ихъ ремеслъ. Особенно пріятно было бы государю, еслибъ въ Россію захотѣли переселиться опытные морскіе и сухопутные офицеры, инженеры, артиллеристы, хорошіе художники, фабриканты и ремесленники.

При этомъ мудрый Монархъ издалъ распоряженіе, чтобъ и въ случаѣ его отсутствія послѣднимъ было оказано радушіе и покровительство въ его государствѣ.

Какъ только за границей получено было извѣстіе объ основаніи новаго города Петербурга, многіе иностранцы переселились туда, расположились со своими семьями, зарабатывая средства къ жизни (пропитаніе) службой или ремеслами.

Петръ Великій относился ко всѣмъ чрезвычайно благосклонно, платилъ офицерамъ двойное жалованье, очень милостиво и просто бесѣдовалъ съ ремесленниками и художниками, посѣщалъ ихъ мастер-

скія и отдавалъ имъ въ ученѣ молодыхъ Русскихъ, которыхъ онъ при всякомъ удобномъ случаѣ поощрялъ изъявленіями своей милости.

Монархъ случайно замѣтилъ или, быть можетъ, узналъ черезъ приближенныхъ лицъ, что многіе Русскіе тайно роптали на его пристрастіе къ иноземцамъ. Чтобы положить конецъ ихъ толкамъ, однажды, въ присутствіи однихъ только Русскихъ, Государь заговорилъ объ иностранцахъ. „Я знаю, сказалъ онъ, что льготы, которыя я представляю иностранцамъ, не нравятся многимъ изъ моихъ подданныхъ; но я считаю, что у меня подданные двоякаго рода: разумные и благонамѣренные, для которыхъ вполнѣ очевидно, что я привлекаю иностранцевъ и хорошо отношусь къ нимъ, главнымъ образомъ, ради того, чтобъ мой народъ обучился ихъ наукамъ и искусствамъ. Злые же и неразумные между моими подданными, не понимающіе и не признающіе моихъ добрыхъ намѣреній, презираютъ по глузости все хорошее, что имъ кажется новымъ и чему бы они съ радостью воспрепятствовали, еслибъ у нихъ была эта возможность, совершенно забывая, что дѣлалось прежде въ нашемъ отечествѣ, пока я еще не видѣлъ другихъ странъ и не привлекъ сюда иноземцевъ. И, наконецъ, что я могъ бы сдѣлать безъ ихъ помощи во всѣхъ моихъ начинаніяхъ, если принять во вниманіе силу моихъ враговъ!...

Князь Меншиковъ.

Сенаторамъ удавалось нѣсколько разъ уличать князя Меншикова въ корыстолюбіи и въ лихоимствѣ при доставкѣ провіантскихъ и мундирныхъ поставокъ. Хотя Сенатъ иногда и дѣлалъ, для очищенія совѣсти, по этому поводу запросы князю Меншикову, но сей послѣдній обходилъ ихъ съ молчаніемъ или если, ради приличія, и посылалъ иногда разъясненіе черезъ своихъ подчиненныхъ, то всегда остерегался отвѣчать письменно и, тѣмъ болѣе, за собственноручною подписью. Чтобъ снять съ себя въ данномъ случаѣ отвѣтственность, Сенатъ составилъ списокъ особенно важныхъ проступковъ князя и положилъ его на засѣданіи предъ мѣстомъ, которое занималъ обыкновенно Государь, безъ всякаго предварительнаго доклада. Въ первое же засѣданіе онъ взялъ его въ руки, поспѣшно просмотрѣлъ и, не сказавъ ни слова, сдѣлавъ видъ, что онъ не читалъ его, положилъ на прежнее мѣсто, гдѣ онъ и оставался еще довольно долгое время. Наконецъ, сенаторы рѣшились переговорить объ этомъ обстоятельстве съ Государемъ. Сидѣвшій рядомъ съ Его Величествомъ тайный совѣтникъ Толстой, взявъ названный списокъ, спросилъ Государя, что онъ на это скажетъ? Ровно ничего, возразилъ Петръ Великій, развѣ только то, что Меншиковъ останется Меншиковымъ. Сенаторамъ предоставлялось понимать эти слова какъ имъ угодно, листъ остался на своемъ мѣстѣ, и никто болѣе не отваживался докладывать о немъ Государю.

Этотъ разговоръ сообщенъ графомъ **Остерманомъ**.

Собственноручная ковка желѣзныхъ полосъ.

Петръ усердно посѣщалъ различные заводы и мастерскія, лично поощряя и подбодряя рабочихъ. Онъ часто бывалъ на заводѣ желѣзныхъ издѣлій Миллера, находящемся въ 90-и верстахъ отъ Москвы по Калужской дорогѣ, при рѣкѣ Истѣ. Однажды онъ провелъ тамъ цѣлыхъ четыре недѣли, пользуясь мѣстной цѣлебной водой, находя возможность наряду съ своими ежедневными государственными занятіями удѣлять достаточно времени тщательному изслѣдованію и изученію этого дѣла, лично работая при ковкѣ и плавленіи металла, съ цѣлью изученіяковки желѣзныхъ полосъ. Ознакомившись съ этимъ искусствомъ, онъ собственноручно выковалъ въ послѣдній день своего пребыванія на заводѣ восемнадцать пудовъ желѣза, снабдивъ каждую полосу своимъ клеймомъ; находившіеся въ его свитѣ камеръ-юнкера и бояре исполняли различныя сподручныя работы, приносили и пригребали къ огню уголья, раздували мѣха и т. п. Пріѣхавъ черезъ нѣсколько дней въ Москву, онъ отправился къ владѣльцу завода Вернеру Миллеру и, расхваливъ устройство завода, спросилъ, какая плата полагается за пудъ кованаго полосоваго желѣза? Три копѣйки, т. е. алтынъ, отвѣчалъ Миллеръ. Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ Петръ Великій, я заработалъ 18 алтынъ, которые намѣренъ отъ васъ получить. Вернеръ Миллеръ тотчасъ же направился къ своему денежному сундуку и, отсчитавъ 18 червонцевъ, передалъ ихъ царю, добавивъ: „нельзя уплатить меньшей суммы такому работнику, какъ Ваше Величество“. Но царь, отклонивъ предложенныя деньги, возразилъ: „Я работалъ нисколько не лучше другихъ мастеровъ, поэтому дай мнѣ положенную для нихъ плату; я куплю себѣ на эти деньги новую пару башмаковъ, которые теперь мнѣ очень нужны“. При этомъ онъ указалъ на свои стоптанные башмаки, къ которымъ уже разъ пришивались новыя подметки и, взявъ 18 алтынъ, отправился въ ряды, гдѣ купилъ себѣ новую обувь. Бывая въ гостяхъ, онъ часто показывалъ на свои ноги со словами: „эти башмаки я заработалъ въ потѣ лица“.

Одна изъ собственноручно выкованныхъ Государемъ полосъ, снабженная его клеймомъ, находится на желѣзномъ заводѣ Миллера; другая, выкованная Императоромъ въ Олонцѣ при Ладожскомъ озерѣ, сохраняется въ Кунсткамерѣ С.-Петербургской Академіи Наукъ *).

*) Третья въ городѣ Липецкѣ, при заведеніи желѣзныхъ водъ, открытыхъ Петромъ. Въ Липецкѣ же и памятникъ Петру, поставленный откушникомъ Небучиновымъ. П. Б.

Отказъ Евреямъ поселиться въ Россіи.

Въ первое свое пребываніе въ Голландіи, когда Государь въ Саардамѣ изучалъ кораблестроеніе, у него проглядывало явное желаніе расширить торговлю и промышленность своего государства. Этимъ отношеніемъ Государя къ иностранцамъ захотѣли воспользоваться хитрые Амстердамскіе Евреи; имъ было хорошо извѣстно, что еще царь Іоаннъ Васильевичъ изгналъ Евреевъ изъ предѣловъ Россійскаго государства, и послѣдующіе за нимъ властители не разрѣшали имъ жительство въ Россіи; однако они обратились къ любимцу монарха, извѣстному Амстердамскому бургомистру Ванъ-Витсену*), прося его исходатайствовать у Государя разрѣшеніе жительства и веденія торговли въ Россіи Евреямъ на одинаковыхъ правахъ съ прочими иноземцами, при чемъ не преминули изобразить въ яркихъ краскахъ преимущества, которыя получили бы Русскіе, еслибы ихъ торговлѣ оказали содѣйствіе Еврейскіе купцы. Сверхъ того они обязывались въ благодарность за исполненіе просьбы поднести Государю даръ въ 100 тысячъ гульденовъ наличными деньгами. Витсенъ обѣщалъ при первомъ удобномъ случаѣ поговорить о нихъ съ Государемъ. Монархъ рѣдко отказывалъ ему въ его просьбахъ. Витсенъ сдержалъ данное слово и при случаѣ обстоятельно изложилъ Государю ходатайство и предложеніе Евреевъ. Выслушавъ внимательно его докладъ, царь съ улыбкою возразилъ: „Господинъ Витсенъ, я знаю, что вамъ, также какъ мнѣ, хорошо извѣстны не только Евреи, но и складъ мыслей моего народа. Еще не пришло время Іудеямъ селиться въ моемъ государствѣ. Передайте имъ отъ моего имени благодарность за ихъ предложеніе и въ тоже время мое искреннее сожалѣніе, если имъ когда либо удастся основаться въ Россіи; потому что, хотя они и сльвуть во всемъ свѣтѣ за искуснѣйшихъ обманщиковъ въ торговлѣ, но я опасаюсь, что имъ не удастся провести мой народъ“.

*) Николай Витсенъ былъ не только Амстердамскимъ бургомистромъ, но игралъ важную роль въ исторіи Голландіи и Вестфрисландіи. Будучи такимъ же свѣдущимъ ученымъ, какъ и политикомъ, онъ въ молодости своей служилъ при Голландскомъ посольствѣ въ Москвѣ, гдѣ былъ представлень царю Алексѣю Михайловичу. Пребываніе въ Россіи подало ему мысль составить чертежъ для изданія географической карты Сѣверо-Восточной Татаріи, которую онъ посвятилъ и послалъ молодому Петру Алексѣевичу еще до прибытія послѣдняго въ Голландію. Составленіе этой карты стоило ему большихъ денегъ, упорнаго труда и пространной переписки. Многія свѣдѣнія черпалъ онъ изъ непосредственнаго знакомства съ купцами, природными Армянами, Персами, Турками, Татарами, Грузинами и другими, находившимися въ Амстердамѣ, народностями. Нѣсколько лѣтъ спустя, для болѣе точнаго поясненія своей карты, онъ напечаталъ превосходное изданіе подъ заглавіемъ Сѣверная и Восточная Татарія. Онъ умеръ въ 1717 году.